

Русская крестьянская колонизация и проблемы регионализма: взгляд в историю¹

В своем докладе я предлагаю взглянуть на проблемы регионализма, может быть, с несколько неожиданной точки зрения, а именно, остановить внимание на процессе формирования регионов большой и целостной страны с точки зрения этнопсихологической. Прежде всего я хочу показать, что крестьянская колонизация территорий, занятых силой оружия, шла не хаотично. Существовала особая модель крестьянской колонизации. Эта модель способствовала тому, что сам процесс заселения и освоения превращал новые территории в пространство, включенное во внутренние психологические границы России. Во-вторых, я хочу немного коснуться вопроса о факторах, определявших силу и характер народной колонизации, а

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

в-третьих, о признаках, указывающих на психологическую дезинтеграцию регионов страны. Хотя я буду опираться главным образом на исторический материал, нет смысла доказывать его актуальность. Законы психологии не менее сильны, чем законы экономики. История показывает, что многие "чужие" территории, которые воспринимались как потенциально свои, со временем миром или мечом присоединялись к государству. И, наоборот, территории, которые психологически перестают восприниматься как свои, рано или поздно будут выпадать из общегосударственного целого.

Итак, процесс освоения территории связан с адаптацией человека к среде обитания (и природной, и социокультурной), в том числе, адаптации психологической. В ходе нее формируются определенные модели человеческой деятельности, имеющие целью снизить психологически степень дисгармонии между человеком и миром, сделать мир как бы более комфортным. Эти модели всегда в той или иной степени иррациональны: они имеют свою внутреннюю логику, которой и следуют люди. Эта логика, разумеется, получает якобы рациональное истолкование, связывается с определенными ценностными доминантами. Однако более пристальный взгляд на характер освоения народами новой территории показывает, что в поведении людей постоянно обнаруживаются эти не замечаемые ими нелогичности, являющиеся следствием достижения психологической адаптации человека к окружающему миру. Каждая культура формирует свой особый "адаптированный", комфортный образ реальности, и опыт человека как бы укладывается в определенные парадигматические формы.

Выделим несколько положений, принципиальных для нашей работы¹.

1. Способ действия народа в мире сопряжен со сложной схемой взаимодействия внутриэтнических групп, могущих иметь даже различную ценностную ориентацию.

2. Основой этого взаимодействия служит функциональный внутриэтнический конфликт, когда разные группы этноса, даже находящиеся в состоянии вражды друг с другом, совершают некое синхронное действие, ведущее к процветанию целого. Так, согласно наблюдениям Л.Пая, наиболее устойчивой чертой той или иной культуры является "чувство ассоциации", которое проявляется в том, что "члены определенного общества каждый своим особенным образом и без эксплицитного согласования, вырабатывают способ отношения между собой, который будет способствовать эффективности целого. (...) Оно делает возможным эффективную организа-

¹ Подробнее см.: *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания (Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала.) СПб., 1994.

ционную жизнь, направленную к процветанию, даже среди людей, которые не принимают друг друга и могут выражать значительную агрессивность друг по отношению к другу"¹.

3. Этническая культура содержит внутри себя определенные парадигмы, которые задают имплицитную согласованность действий членов этноса и ритмичность функционирования конфликта и которые обнаруживают себя в различных модификациях этнической культурной традиции. Нам представляется, что парадигмы, составляющие стержень культурной традиции, являются не средоточием ценностей и верований, а комплексом бессознательных представлений, определяющим условие и характер действия человека в мире. Мы будем называть эти представления этническими константами.

Наполнение этнических констант конкретным содержанием представляет собой сцепку бессознательных образов с фактами реальности посредством переноса бессознательного комплекса на реальные объекты. Этнические константы нейтральны по отношению к той или иной ценностной направленности. Этнический образ мира — это производная от этнических констант, с одной стороны, и ценностной ориентации — с другой.

Поскольку ценностная ориентация не может быть единой для всех членов этноса, то в рамках единого этноса имеется несколько вариантов этнической традиции (внутренних альтернатив), в основе которых лежат одни и те же этнические константы и которые связаны между собой общей культурной темой, в каждой из этих альтернатив преломляющейся особым образом.

Характер взаимодействия внутриэтнических групп в значительной мере определяется необходимостью адаптации этноса к природной и социокультурной реальности. Для успешного выживания этноса, тем более — для его внешней активности, такой, например, как имперское строительство, вообще может быть необходимо, чтобы "правая рука не знала, что делает левая". Тот конфликт, который возникает между этими "альтернативами", может носить функциональный характер. Акт за актом как бы разыгрывается драма, каждое из действий которой кажется изолированным и не имеющим отношения к целостному сюжету, но которые все вместе приводят к созданию новой значительной институции. Характер этой "драмы" связан, в частности, с восприятием народом заселяемого им пространства и комфортностью для народа того или иного способа действия: таковы модели народной колонизации.

Как указывал исследователь русской крестьянской колонизации А.Кауфман, массовые переселенческие движения в России, в отличие от Западной Европы, "были издревле и остаются до сих пор явлениями

---

¹ Pye L.W. Politics, Personality and National Building. New Haven, L., 1962. P. 51.

внутреннего быта"¹. Однако эти "явления внутреннего быта" имели очень своеобразный характер, в каких бы формах они не выражались, они имели характер бегства от государства. По точному замечанию историка Л.Сокольского, "бегство народа от государственной власти составляло все содержание народной истории России. (...) Вслед за народом шла государственная власть, укрепляя за собой вновь заселенные области и обращая беглых вновь в свое владычество"². Начиная с первого правительственного указа о запрещении переселений и утверждении застав (1683 г.), первыми его нарушителями "были царские же воеводы, о чем хорошо знало и центральное правительство. Воеводы вместо того, чтобы разорять самовольные поселения (...), накладывали на них государственные подати и оставляли их спокойно обрабатывать землю"³.

Идет словно бы игра в "кошки-мышки". Вплоть до XX в. "переселенцы тайком бежали с родины, тайком пробирались в Сибирь по неудобным путям сообщения. [До конца 80-х годов XIX в.] ходоки и организаторы мелких переселенческих партий приравнивались к политическим агитаторам и выдворялись на родину по этапу"⁴.

Когда же государство, наконец, разрешает переселение официально, оно все-таки не вполне управляет процессом. Исследователь переселений начала XX в. продолжает говорить о "вольной колонизации": "От тундры до пустыни идет вольная русская колонизация; я говорю вольная, так как дело Переселенческого Управления сводится к неполному удовлетворению спроса"⁵. Напор колонизационного движения кажется поистине удивительным. Так, первые крестьянские просьбы о переселении в Сыр-Дарьинскую область относятся к 1868 г. году завоевания. Первые русские колонисты переселились в Семиреченскую область в том же 1868 г. непосредственно после завоевания. Аму-Дарьинская область, Бухара и Хива (последние два — протекторатные владения) были закрыты для крестьянской колонизации. Вопрос о колонизации Бухары особо рассматривался на совещании в Ташкенте в 1909 г.: было решено от нее отказаться. Однако "к 1917 году в ханстве проживало до 500 тысяч русских подданных, не считая военнослужащих"⁶. Что же касается других регионов Средней Азии, то к 1914 г. 40% населения Киргизской степи и 6% населения

¹ Кауфман А. Переселением и колонизация. СПб., 1905. С. 4.

² Сокольский Л. Рост среднего сословия в России. Одесса, 1907. С. 1.

³ Дуров А.В. Краткий очерк колонизации Сибири. Томск, 1891. С. 11.

⁴ Хворостинский П. Киргизский кризис в связи с колонизацией степени // Вопросы колонизации. СПб., 1907. Т. 1. С. 92.

⁵ Драницин Д. Колонизационные задачи в Закаспийской области // Вопросы колонизации. СПб., 1900 Т. 7. С. 136.

⁶ Фомченко А.П. Русские поселения в Бухаре. Ташкент, 1958. С. 7.

Туркестана (очень густо заселенного) составляли русские, в большинстве своем, земледельцы¹. "С 1896 по 1916 годы более миллиона крестьян, пришедших из России, поселились в районе Акмолинска и Семипалатинска"².

Укажем для сравнения, что в конце XIX в. в Индии находилось только около 70 тыс. британцев, не состоявших на государственной службе"³, и это при том, что с 1859 г., после мятежа, британское правительство проводило политику, направленную на привлечение британцев в Индию, а на Индийском субконтиненте имелись нагорья, по климату, растительности и относительной редкости населения вполне пригодные для колонизации и, во всяком случае, более подходящие для земледельческой колонизации, чем "хлопковые земли" в Средней Азии.

Вернемся к вопросу о характере русской колонизации. Если учесть, что колонизация вплоть до конца XIX в. была нелегальной, а в начале XX в. полулегальной, что, реальная забота о переселенцах отсутствовала, то парадоксальными представляются толки и слухи, сопутствовавшие массовым переселениям конца XIX — начала XX в. В них очень отчетливо присутствовал мотив государственных льгот для переселенцев. Так, о Сибири рассказывали, что для крестьян там построены *избы* и изготовлен квас, а под Иркутском "на каждую семью полагается небольшая постройка, две лошади, две коровы, соха, борона и все необходимое для хозяйства. (...) С Брянска и Смоленска посланы пять полков строить хаты для переселенцев"⁴. Еще только-только был занят Мерв, а туда уже направились крестьяне, свято уверенные, что там их ждут государственные льготы (конечно, никаких льгот и в помине не было). «Смелые русаки без раздумья и ничтоже сумняшеся валили из своей Калуги в "Мерву", как они называли Мерв, движимые темными слухами, что вызывали сюда, в "забранный край", народушко российский на какие-то "царские работы"»⁵. Все эти толки показывают, что крестьяне в каком-то смысле понимали, что служат государству, от которого бегут...

Итак, модель русской колонизации может быть представлена следующим образом. Русские, присоединяя к своей империи очередной участок территории, словно бы разыгрывали на нем мистерию: бегство народа от государства — возвращение беглых вновь под

¹ *Fieldhouse D.K.* The Colonial Empires. L., 1965. P. 337.

² *Encasse H.C.* Organising and Colonising the Conquered Territories / Ed Allworth // *Central Asia. A Century of Russian Rule.* NY.; L., 1967. P. 160.

³ *Renford R.K.* The Non-Official British in India to 1920. Delhi; Bombay; Calcutta; Madras, 1987. P. 31.

⁴ *Чарушин А.* Переселением в бытовом его отношении // *Беседа.* 1906. № 9 С. 13в.

⁵ *Марков Е.* Россия в Средней Азии. СПб., 1891. Т. 1. С. 254.

государственную юрисдикцию, государственная колонизация новоприобретенных земель. Так было в XVII веке, так оставалось и в начале XX: "Крестьяне шли за Урал, не спрашивая, дозволено ли им это, а селились там, где им это нравилось. Жизнь заставляла правительство не только примириться с фактом, но и вмешиваться в дело в целях урегулирования водворения переселенцев на новых землях"¹.

Крестьянская колонизация — практически во всех ее формах — может быть предстала как конфликт крестьянского "мира" с централизованным государством. Однако этот конфликт, повторяясь бесчисленное число раз, оказывается как бы "снятым". Ведь крестьянская община сама была мини-государством со всеми государственными функциями и даже некоторыми атрибутами. Россия в народном восприятии, независимо от реального положения вещей, была федерацией таких "миров", "миром" в более широком смысле. Крестьяне были связаны психологически именно с этой Россией-"миром", а не Российским государством. Но Россия как "мир" не знает границ, она везде, где поселятся русские. Поскольку русские живут в том или ином месте, оно само по себе уже воспринимается как территория России и включается в ее "сакральные границы". Этот своеобразный перенос понятий и обеспечивал силу русской экспансии. Он же служил и стержнем функционального внутриэтнического конфликта. Ценностные доминанты внутриэтнических групп различны (хотя и связаны единой культурной темой), но их распределение внутри культуры таково, что допускает возможность согласованного, точнее — "драматизированного действия".

Таким образом, описывая модель народной колонизации, мы выделяем те черты процесса освоения территории, которые в каждом конкретном случае могут казаться случайными, но повторяются из раза в раз даже тогда, когда они неизбежным образом ведут к сложностям, внутренним и внешним конфликтам, а следовательно, имеют глубинную подоплеку и связаны со структурообразующими представлениями данного народа о пространстве его активности — этническими константами.

В частности, для русских, независимо от того, какие цели ими движут, и каковы их ценностные доминанты, арена действия — это "дикое поле", пространство, не ограниченное ни внешними, ни внутренними преградами. Освоение территории происходит посредством выбрасывания в "дикое поле" определенного излишка населения. Этот излишек на любом новом месте организуется в самодостаточный и автономный "мир". "Мир" и является субъектом

---

¹ Шкапский О. На рубеже переселенческого дела // Вопросы колонизации. СПб., 1907. Т. 7. С. 112.

действия, в частности — субъектом, осваивающим территорию, привычным "мы". На более высоком уровне это "мы" переносится на весь народ, но только таким образом, что сам народ, само государство начинает восприниматься как большой "мир".

В своей первоначальной форме русская колонизация представляла собой как бы наслоение "чешуек", участков территории, находившихся в юрисдикции отдельных "миров". Видимо, эта "чешуйчатая" структура пространства и характерна для русского восприятия. Так, большие "чешуйки" наращиваемой посредством военной силы территории в идеале должны были тут же покрываться мелкими "чешуйками" территорий отдельных русских "миров" — "дикое поле" осваивается, интериоризируется путем того, что приобретает "чешуйчатую" "мирскую" структуру. Этим объясняется и напор крестьянской колонизации даже в тех краях, которые по своим природным условиям, казалось бы, были не пригодны для оседлости русского населения, Уточним также, что как "дикое поле" воспринималась любая территория, которая могла рассматриваться как потенциально "своя", ее прежняя структурированность игнорировалась, будь это племенное деление территории или границы древних государственных образований, точнее, признается в какой-то степени лишь ее собственная структурированность, приближающаяся к "мирской": права туземной общины (если таковая имеется) и ничто больше. Все эти особенности восприятия пространства связаны не с ценностной ориентацией народа, а с его "этническими константами".

Теперь коснемся вопроса о том, какие факторы оказывали влияние на характер и интенсивность крестьянской колонизации и глубину освоения той или иной территории. В ходе исследований мне удалось выяснить, что почти не существовало связи между геополитическими формами организации завоеванной территории и интенсивностью колонизационного потока, точнее зависимость эта была чисто внешней. Выше мы говорили о колонизации Средней Азии, часть областей которой в ходе русско-английского соперничества на Востоке превращалась как бы в приграничные регионы-"крепости" с особой системой управления. Между тем миграция в эти края была довольно интенсивной и сдерживалась лишь искусственно. Более того, там разыгрывалась, часто к неудовольствию официальных властей — изменились времена, изменилась политика, да и Средняя Азия, как регион со сложными этнополитическими характеристиками, требовал особой осторожности — типичная модель крестьянской колонизации. Последняя пробивалась сквозь форму новых геополитических форм как трава сквозь асфальт. Объяснение этого феномена, возможно состоит в следующем. Российская государственная власть на протяжении веков разными способами затрудняла крестьянскую колонизацию. Мы уже говорили выше об игре в "кошки-мышки"

между властями и крестьянами-переселенцами. Новые препятствия крестьянской колонизации, вызванные особым геополитическим положением региона-"крепости", не воспринимались народом как нечто экстраординарное.

Однако народная колонизация — только первая ступень образования на новозавоеванной территории русского региона. "Интерриоризация" края была неполной без ассимиляции местного населения. Но вот именно на процесс ассимиляции геополитическая форма организации занятой с помощью оружия территории оказывала глубокое влияние. Так, на этих территориях значительно нарушался обычный механизм установления контактов между русскими переселенцами и местным населением, снижалась способность русских к ассимилированию местного населения, что препятствовало культурной интеграции империи. С психологической точки зрения, русские колонисты были чрезвычайно интровертны, замкнуты в себе и вообще не склонны обращать особое внимание на инородческое население. Ассимиляция же происходила на волне религиозного подъема. В противном случае новые территории империи не превращались в полном смысле слова в ее регионы. Жизнь крестьян-переселенцев и жизнь местного населения существовала как бы в двух параллельных планах. Процесс освоения территории русскими как бы замирал на определенной точке. Действительно, статус местного населения Туркестана постепенно приближался к статусу населения колоний в западноевропейском смысле, и положение жителя Туркестана значительно отличалось от положения жителей других окраин Российской империи.

Итак, упадок религиозности русского населения в те или иные эпохи практически автоматически вел к потере русскими ассимиляторских способностей, которые многим внешним наблюдателям казались природной чертой русского народа. Это происходило каждый раз, когда "политика интересов" брала верх над "политикой принципов".

В этом отношении интересно, что территории, имевшие для России особую идеологическую значимость, заселялись гораздо менее интенсивно, чем территории идеологически нейтральные. Однако по существу, степень интегрированности этих территорий в состав империи достаточно велика.

Теперь перейдем к последнему из заявленных нами вопросов — о признаках дезинтеграции. Я полагаю, что признак дезинтеграции региона — это потеря его "идеологического" значения для русских, потеря "принципа". В отличие от предыдущей части доклада, где я опиралась исключительно на исторические примеры, в данном случае я обращаюсь к примеру не просто современному, но и злободневному, а именно к чеченской войне. Ведет ли эта война к психологическому отторжению от России столь конфликтного региона? На сиюминут-

ном эмоциональном уровне — да. Но на более глубоком уровне, которой будет определять действия русского народа через 5—10 лет, напротив, чеченская война, как это не парадоксально, работает на интеграцию России. Эта война (тем более, православно-мусульманская война) как бы вернула память об идеальной составляющей русского имперского принципа, хотя и в уродливо-извращенном виде. И насколько мне представляется, вопреки тому, что сейчас русское население покидает Чечню, как только наступит мир, она начнет стремительно заселяться русскими. Причем, я полагаю, мы станем свидетелями очень любопытного явления, архаичного по своей сути. Она будет заселяться казачьими общинами (активизация этого движения происходит на Кавказе в настоящее время), т.е. край начнет приобретать психологически комфортный для русских "чешуйчатый" характер. И очень возможно, что здесь может реализоваться и основная модель народной колонизации, а именно: государственное препятствие колонизации (на деле только усиливающее ее), напор колонизации и, в конце концов ее признание. Причем, психологически война превращает территорию в "дикое поле".

Вопрос о смысле новой колонизации данного региона с точки зрения этнопсихологии неправилен. Я говорю о процессах иррациональных, связанных не с целесообразностью, а с ощущением комфортности.

Впрочем, я не считаю, что к моему прогнозу следует относиться очень серьезно. Трудно прогнозировать поведение народа, находящегося в остром психологическом кризисе. Однако я хочу подчеркнуть, что сказанное мною выше не следует рассматривать как нечто, имеющее только исторический интерес. Поскольку речь идет о глубинных этнопсихологических комплексах народа, то они могут пробиваться как трава сквозь асфальт и реализовываться в самом неожиданном виде.